

Эмпирическое обыденное сознание сближает реалии, названные словами *ноготь, йота* на основе их внешнего сходства целостного зрительного образа: и ноготь, и буква йота – находятся с краю системы и не существуют самостоятельно: ноготь завершает конечности человеческого тела, является неотделимой частью фаланги пальца; йота – часть буквы “юс”, обозначающая короткий согласный звук, не имеет самостоятельного графического выражения, а сами буквы “юс” завершали азбуку.

Во фразеологии русского языка существует довольно многочисленная группа идиом, в которых появляется образ самого ценного – *глаза*: *глаз-алмаз, свой глаз всего дорожке, беречь как глаз, возьми глаза в руки, вооруженный глазом (совр. вооруженным глазом), верный глаз, положить глаз на кого-либо*.

На юге Италии и по сей день сохранился обычай украшать нос рыболовецких судов глазом. Считается, что это предохраняет судно от несчастий и помогает богатому улову. Издавна известны обереги от сглаза – амулеты. Амулеты изготавливались из дорогостоящих материалов в виде "ока богов". Их часто находили в захоронениях этрусков, египтян, греков, древних славян.

Глаза считались местом пребывания души, окном, через которое душа попадает в тело и покидает его. Этим путем в человека могли проникнуть добрые и злые духи. Древние думали, что злой человек преисполнен вредоносными духами-демонами, и вместе со взглядом они переходят на все, на что он ни посмотрит [5]. Среди фразеологизмов с компонентом *глаза* встречаем такие, которые передают эту веру: *впиваться в глаза, пожираться глазами, кошкой в глаза мечется, приковывать взглядом, убить взглядом*. Так объяснялась сила взгляда, чарующая, возбуждающая любовь, ненависть, страх, злобу и, по верованиям славян, оплодотворяющая [6: 215]. Наши предки благоговели перед этой силой и боялись ее. Часто поэтому было положено вести себя, как бы обманываемая "дурные", демонические глаза. Образы таких ситуаций отражаются в ФЕ: *для отвода глаз, на глазах, за глаза, в глаза сказать*.

Идиомы *играть глазами, сверкать глазами* сохраняют “следы” образа, в котором глаза – это твердые, излучающие свет камни, подобные бриллиантам (известно, что ценность бриллиантов заключается в их свойстве создавать эффект внешнего гипноза). Во фразеологизме *взять глаза в руки* мотивирующий образ связан с ситуацией, когда человек, потерявший зрение, старается получить информацию об окружающем мире на ощупь, т.е. когда функция рук отягощается функцией глаз - глаза и руки становятся единой системой для получения сведений, с единым центром локации. Или с более древней ситуацией, когда для защиты себя от вредоносных сил демонов архаический человек брал в руки амулет в виде глаза. У народов Севера глаза круглые, озерные и не выпуклые, а вогнутые, чтобы вбирать лучи света и в себе их фокусировать. Отсюда у славянских народов широко развита идея внутреннего света – ума души, хранителем которого является оно – око.

Литература

1. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.Х. - М.: Прогресс, 1981. - С. 350-368.
2. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. – М.: Наука, 1983. - 286 с.
3. Караулов Ю.В. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.– 263с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.- М.: Наука, 1996. – 288 с.
5. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1986. – 703 с.
6. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 325 с.

«УЗКИЕ МЕСТА» ПОЛЬСКО-РУССКОГО И ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОГО КАНАЛОВ ТРАНСЛЯЦИИ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ПОЭТОНИМОВ

А.Е. Парамонова

Художественный текст, моделирующий определенную культуру, в рамках которой был создан, в случае существования на границе нескольких культур следует рассматривать как инвариант, порождающий инокультурные варианты. Движение инварианта из одного лингвокультурного контекста в направлении другого сопровождается процессами максимально полного отображения заданного автором объема информации, утраты информативной целостности, а также приращения значения. Поэтому информативная динамика инварианта схематично может быть изображена в виде разнонаправленных векторов, имеющих отправной точкой информационную константу и устремленных в сторону: а) свертывания информации и б) ее развития (см. рисунок 1).

Информационная насыщенность характерна для языковых элементов различного уровня и речевых отрезков разной протяженности и структуры. Однако наибольшей информативной емко-

стью обладают не имеющие «семантического дна» (О.Ю. Карпенко) имена собственные. Выступая в роли единиц восприятия, переработки и хранения информации, они обнаруживают свою концептуальную сущность.

При сопоставлении ономастических концептуальных систем генетически сходных русской, белорусской и польской лингвокультур очевидным становится несовпадение когнитивных схем выражения *андрогенности* – свойства имени отсылать к одному из членов мужской фамильно-именной группы.

Рисунок 1 – Структура информативной динамики инварианта.

Специфические черты ономастических систем языков-коммуникантов, препятствующие полному совпадению контуров передаваемой именем информации в языке-доноре и языке-рецепторе и трансформации формальных и содержательных характеристик инварианта различной сложности, представляют собой «узкие места» перехода андрогенных ономастических единиц из одного ментального пространства в другое. Для их обнаружения необходимо определить степень корреляции по каждому из перечисленных ниже параметров:

- ❖ элемент антропонимической формулы, выступающий в качестве мотивирующей базы;
- ❖ денотативная отнесенность онима-базы;
- ❖ стилистические и социальные границы употребительности;
- ❖ темпоральные границы бытования андрогенного компонента имени;
- ❖ используемые словообразовательные аффиксы;
- ❖ ономастическая сущность андронима / патронима;
- ❖ структура именного комплекса с точки зрения:
 - количества компонентов;
 - наличия / отсутствия константных (ситуативных) приименных аппеллятивных элементов;
 - места андрогенного компонента.

Современным польским языком из богатого арсенала гендерно маркированных формантов, употреблявшихся XVI-XVII вв.: *-owa / -ewa (-owaja / -ewaja)*, *-icha / -ycha, -ska (-skaja)*, *-ina / -yna (-ynaja)*, *-ka, -ówna (-owna)*, *-anka, -owicz / -ewicz* (Л. Дадевич), – для образования женских именований андрогенного типа были унаследованы следующие: *-ska / -cka / -dzka, -yna / -ina, -anka, -owa, -ówna* (в диалектах также используются форманты *-ka, -ula, -icha, -ica*). Результаты словообразования имеют статус фамилий.

Андронимы и патронимы в качестве субстантивированных прилагательных в старобелорусском языке XVI – XVIII вв. составляли значительный лексический пласт и были достаточно продуктивной моделью. Имя отца в таких случаях оформлялось формантами *-овна / -евна, -инна, -енна, -ична, -анка*, имя мужа – формантами *-овая, -иная, -ова, -ина, -овка, -иха (-ыха)* (Н.В. Бирилло). Это было характерно в данный период и для русского языка. Здесь наиболее популярными были суффиксы *-овск (-евск)*, реже *-ов (-ев), -ин (-ын)* (Ю.И. Чайкина).

Андрогенные модели именования в трех описываемых языках могли включать, кроме личного имени женщины, компоненты модели именования отца, мужа, уточнение должности мужа, выраженное субстантивированным прилагательным (*каштеляновья, городничина, писаровья, хоружинья*), тем самым достигая размеров пятикомпонентной (русский язык, Ю.И. Чайкина), шестикомпонентной (польский язык, Л. Дадевич) и даже семикомпонентной модели именования (белорусский язык, Н.В. Бирилло).

Позже под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула называния женщин в письменной речи также стала трехзвенной, преимущественно на тех территориях или в тех социальных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимной модели. Только ближе к XVII в. начинает оформляться фамилия в настоящем ее понимании, и продолжается этот процесс вплоть до XIX в.

В русском и белорусском языках фамилия не указывает на социальный статус женщины. Патронимическим показателем является отчество – второй член трехкомпонентной антропонимной модели, аналога которому нет в системе польского языка. Отчество имеют замужние и незамужние представительницы женского пола. И оно так же, как и фамилия, оказывается социально немаркированным.

Наряду с официальной системой русский и белорусский языки сохранили свободную от искусственного вмешательства систему неофициального именования, в которой предусмотрены специальные формы для именования детей по отцу (русс. *Бык – Бычка*, бел. *Гаўрыла – Гаўрыльчык*) и жены по мужу (*Круглов – Круглячка*, бел. *Сцёпа – Сцёпіха, Иван – Іванішка*). Такие формы характеризуются как диалектные, нелитературные и их употребление ограничивается бытовой сферой. Исключение составляют случаи введения таких именований в художественный текст в стилистических целях.

Таким образом, андрогенность свойственна системе именования женщин во всех исследуемых языках, однако каждый из них демонстрирует специфику в образовании андрогенных форм, их положении в антропонимной формуле, устанавливает свои стилистические и социальные границы их употребительности. Данные различия составляют «узкие места» польско-русского и польско-белорусского каналов трансляции гендерно маркированных поэтонимов, прохождение через которые акт передачи визуализирует в виде результатов компенсаторных операций определенной степени сложности.

СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ТИП РОМАННОГО ГЕРОЯ (М.А. ШОЛОХОВ «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»)

Ю.Н. Пасютина

Роман как один из ведущих жанров литературы привлекает к себе особое внимание критиков и литературоведов. Многие теоретические вопросы, связанные с данным жанром, еще предстоит решить. Одним из таких вопросов является определение типологии романного героя.

Изучением истории и теории романа, романного героя занимались Г.Н. Пospelов, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов, П.А. Гринцер, которые полагали, что суть романа – в его ориентации на изображение «эмансипированной» личности, находящейся в разладе с нормами и требованиями окружающей среды. Не случайно Лукач называет романного героя нелепым «чудаком», «искателем», «вопрошающим героем, заблудившимся в мнимой действительности» [1, с. 69].

М.М. Бахтин в докладе «Роман как литературный жанр» – позднее опубликован под названием «Эпос и роман (О методологии исследования романа)» – говорит о «существенном обновлении образа человека в литературе», заключающемся в преодолении характерных для других жанров «завершенности и овнешненности» героя, в наделении образа идеологической инициативой, показе его субъективности, и, наконец, создании «становящегося человека» [2, с. 292].

Г.К. Косиков в статье «К теории романа» указывает на раздвоенность романного героя – «его разлад с действительностью и вместе с тем глубокую общность между ними, что и создает специфическую проблемность романа» [3, с. 37].

Обратимся к терминологии, чтобы выяснить, что же такое «тип». Под данным понятием обычно подразумевают обобщающий образ человеческой индивидуальности, наиболее ярко проявляющий себя в определенном обществе и в определенный момент. М. Горький описал появление литературных типов таким образом: выделяются характерные подвиги многих героев, т.е. «абстрагируются», затем эти черты «конкретизируются» и обобщаются в виде одного героя.

Нам представляется возможным выделить социоцентрический, индивидуоцентрический и персоноцентрический типы романного героя. Остановимся подробнее на социоцентрическом типе.

Известно, что литература социоцентрического толка ориентирована на удовлетворение интересов общества, ключевым словом здесь является социум, его ценности и потребности. Следовательно, в центре таких произведений – герой, проблемы, связанные с героизмом. Уже само слово «герой» носит социоцентрический характер, так как самое важное для героя – служить долгу. Он без остатка растворяется в социуме, и в этом видится его смысл жизни. Именно таковы персонажи Гомера, романов социалистического реализма.